

Воскресенье, 12-го сентября 1904 года.

„Поляки“ на Алтаѣ.

„Поляками“ алтайское население называетъ выходящее изъ Польши—раскольниковъ, бѣжавшихъ изъ Россіи отъ „никонианскаго гоненія“ и возвратившихся изъ-за границы въ Россію при Екатеринѣ II, частью добровольно, на основаніи манифеста Екатерины II, изданнаго въ 1762 г. и повтореннаго въ 1763 г. и приглашаваго бѣглыхъ раскольниковъ возвратиться въ Россію „безъ всякаго опасенія и страха“, причѣмъ добровольно вернувшимся обѣщало прощенье за всѣ совершенныя ранѣе преступленія и дозволяло вернуться на прежнее мѣсто жительства или поселиться на мѣстахъ, которыя были указаны въ рескриптахъ при сенатскомъ указѣ, въ томъ числѣ въ мѣстахъ „по рѣкамъ Убы, Ульѣ, Березонкѣ, Гаубоюкѣ и по прочимъ впадающимъ рѣкамъ въ оныя и въ Иртышъ рѣку“. Вместе съ тѣмъ добровольно возвратившіеся пользовались шестидесятилетней льготой отъ всякихъ податей и работъ. Но добровольныхъ переселенцевъ явилось мало, большинство же бѣглыхъ раскольниковъ, проживавшихъ въ Польшѣ (на Вѣткѣ и Стародубѣ), были выведены изъ Польши уже послѣ разгрома Вѣтки генераломъ Масловымъ, и значительная часть ихъ была выселена въ Сибирь, въ Алтайскія горы въ концѣ 60-хъ г.г. XVIII столѣтія. Эти ссыльные вместе съ ранѣе поселившимися здѣсь добровольными переселенцами-раскольниками, и были предками теперешнихъ алтайскихъ поляковъ, составляющихъ въ настоящее время самое значительное населеніе въ Зыбноторскомъ уѣздѣ.

Мѣстами первоначальнаго поселенія поляковъ на Алтаѣ были его сѣверо-западные склоны, постепенно переходящие въ холмистую степь, которая на западѣ сливается съ Иртышской степью. Въ настоящее время отдѣльными селеніями поляки живутъ въ пяти волостяхъ Зыбноторскаго уѣзда, а именно: въ Алейской вол. 3 польскихъ селенія—с. Староалейское, Шинуюновское и д. Каменка; въ Александровской 2—с. Шемонаевское и д. Екатерининская; въ Владимирской 7—с.с. Верхъ-Убинское или Лосиха, Семеновское, д. Быструха, Малая Убинка, Волчиха, Зимовская и Александровская; въ Риддерской 6—д. Черемшанка, Бутанова, Поперечная, Стружская, Пихтовка и с. Орловка. Наконецъ, въ Бобровской вол. селенія—с.с. Тарханское, Бобровское и д. Чистополка. Помимо названныхъ селеній, поляки живутъ также и въ другихъ волостяхъ, но тамъ они не составляютъ отдѣльныхъ селеній, а живутъ въ селеніяхъ сибиряковъ отдѣльными семьями, переселившимися изъ перечисленныхъ выше „полчскихъ“ селеній.

Мѣстность, гдѣ лежатъ польскія селенія, по общимъ условіямъ, можетъ быть раздѣлена на два района: сѣверо-западный, орошаемый рѣками Алей (притокъ Оби) и Убою (притокъ Иртыша) съ ихъ многочисленными притоками, расположенъ по предгорьямъ Алтая, постепенно переходящимъ въ холмистую степь съ сравнительно мягкимъ климатомъ, богатой травяной растительностью и плодородной почвой, почему этотъ районъ представляетъ большія удобства для хлѣбопашества и скотоводства, а долины горныхъ рѣчекъ, притоковъ Убы, болѣе частью представляютъ заросли разнообразныхъ шибучихъ растений—акацій, черемухи, шиповника и пр., и потому вполне пригодны для устройства пасѣкъ; юго-восточный районъ описываемого края далеко является въ горы и потому имѣетъ болѣе суровый характеръ. Зеленая, культурная есипка, раздѣляемая шибучими долинами, какия мы встрѣчаемъ въ сѣверо-западномъ районѣ, здѣсь уступаютъ мѣсто высокимъ горамъ, покрытымъ темными хвойными лѣсами по бокамъ и съ обнаженными каменными вершинами, на сѣверной сторонѣ которыхъ лежитъ вѣчный снѣгъ, а мѣсто смѣющихся долинъ съ весело журчащими рѣчками мы видимъ узкія ущелья, стиснутыя каменными громадами, между которыми съ обильнымъ ревомъ несутся горные потоки, бѣлые отъ пѣны, лишь постепенно, съ переходомъ ущелья въ болѣе широкія долины принимающіе болѣе спокойное теченіе. Хлѣбопашество здѣсь развито менѣе, чѣмъ въ предыдущемъ районѣ, вслѣдствіе болѣе суровой климата и гористой мѣстности; за то для

скотоводства здѣсь имѣются на лицо всѣ удобства: альпійскіе дуга представляютъ превосходныя пастбища, а шибучія долины позволяютъ заниматься пчеловодствомъ, и эти два промысла являются главными занятіями мѣстнаго населенія.

На ряду съ перечисленными физическими условіями края на первоступенное, можно сказать, исключительное значеніе для мѣстнаго населенія земледѣльческихъ промысловъ имѣла вліяніе также и удаленность края отъ крупныхъ промышленныхъ центровъ и отсутствіе удобныхъ путей сообщенія. Благодаря этому, обрабатывающая промышленность здѣсь совершенно отсутствуетъ, если не считать нѣсколькихъ кожевенныхъ и одного клевернаго завода, находящихся въ сѣверо-западномъ районѣ, гдѣ вслѣдствіе близости Зыбноторска, Локтя и нѣкоторыхъ другихъ большихъ поселеній, а также вслѣдствіе менѣе гористой мѣстности, продук-

которыми ихъ связываютъ лишь самыя примитивныя пути сообщенія,—не мудрено, что они сохранили свой прежній образъ жизни, взгляды и вѣрованія почти неизрѣченными въ теченіи почти 150-лѣтняго пребыванія на Алтаѣ. Этой устойчивости „старинки“ не мало способствовала также и обособленность полковъ отъ остальнаго населенія края, обособленность, вытекающая изъ ихъ отрицательнаго отношенія къ „церковникамъ“, „мирникамъ“.

Лишь въ сѣверо-западномъ, степномъ районѣ масса населенія пришла единорядіе, въ горной же части—Риддерской и Владимирской волостей главнымъ образомъ—около половины всего населенія до сихъ поръ принадлежитъ къ старообрядцамъ, а въ нѣкоторыхъ селеніяхъ въ Лосихѣ и Александровской Владимирской вол. и въ Черемшанкѣ, Бутановой и Пихтовской Риддерской вол.—раскольники составляютъ даже сплошную массу населенія, и въ каждомъ изъ этихъ селеній единорядіе и православныя насчитывается всего лишь по нѣскольку семей. Старообрядцы имѣютъ среди алтайскихъ полковъ представителей чуть не всѣхъ своихъ сектъ, какъ поповскихъ, такъ и безпоповскихъ: здѣсь есть австрийскіе, джевстрийскіе, окружники или москвиты бѣлопоповы или противокружники, поморны, феодеоновы, филипповы, дьяковцы и стариковы. Кромѣ того, есть секта самодуровцевъ, появившаяся здѣсь лѣтъ десять назадъ и объявляющая своимъ происхожденіемъ выходящимъ изъ Самодуровской волости Самарской губерніи.

Но, сохраняя вѣрность общимъ религіознымъ понятіямъ, унаслѣдованнымъ отъ предковъ, поляки, поселившись на Алтаѣ при совершенно отличныхъ отъ прежнихъ условій, незаметно для себя самихъ утратили въ нѣкоторой степени фанатизмъ и нетерпимость, свойственные, вообще говоря, представителямъ русскаго древняго благочестія, благодаря чему, здѣсь расколъ потерялъ свой воинствующій характеръ. Изъ-за чего, въ самомъ дѣлѣ, враждуютъ съ православными сосѣдями, живущими въ горной и лѣсной глуши, вдали отъ церкви и потому вынужденными обходиться безъ нея даже въ важнѣйшихъ житейскихъ дѣлахъ, каковы браки, крещеніе и т. п., а часто даже для исполненія требъ приобретающихъ къ помощи тѣхъ же раскольничьихъ поповъ и дьяковъ, и притомъ не пользующихся никакими привилегіями? И старообрядцы-поляки входятъ въ общеніе съ „церковниками“—единорядцами и православными, и даже рождаются съ ними. Впрочемъ, такое миролюбивое теченіе преобладаетъ болѣе въ сѣверо-западномъ, степномъ районѣ, гдѣ поляки живутъ въ болѣе близости къ сибирякамъ, и сношенія между селеніями тѣхъ и другихъ легче благодаря болѣе удобнымъ путямъ сообщенія. Въ селеніяхъ же южнаго, гористаго района, ютшіихся въ горныхъ дѣсахъ и долинахъ старообрядцы живутъ болѣе обособленно и рѣдко ходятъ въ сношенія съ церковниками, хотя и тутъ особой враждебности не замѣтно, исключеніе составляетъ секта самодуровцевъ, послѣдователи которой въ качествѣ неортодоксовъ выдаютъ религіознымъ фанатизмомъ и считаютъ грѣхомъ всякое общеніе съ церковниками... На васъ и глядѣть-то грѣхъ! надо нѣтъ падать, какъ съ встрѣтѣшься съ вами, чтобы не испортить глазъ своимъ“, говорятъ они.

Утративъ значеніе протеста противъ экономическаго и юридическаго „утѣсенія“, расколъ у алтайскихъ поляковъ утратилъ вместе съ тѣмъ и свою жизнѣнность и превратился окончательно въ приверженность къ бунѣмъ дѣлать и вѣршинамъ обладать. Впрочемъ, и о догматахъ собственной секты большинство поляковъ старообрядцевъ имѣетъ лишь смутное представленіе, что объясняется вымираниемъ старыхъ расколотчиковъ и затруднительностью завѣщать ихъ новымъ вслѣдствіе отдаленности края отъ раскольничьихъ центровъ, которые могли бы оказать имъ поддержку. Впрочемъ естественно поэтому, что съ установленіемъ единорядія въ 1800 г. значительная часть поляковъ примкнула къ нему, найдя такимъ образомъ исходъ изъ своего печальнаго положенія.

Продолжая дѣлаться на секты, каждая изъ которыхъ въ большинствѣ селеній имѣетъ не только свой отдѣльный молитвенный домъ, но даже и свое кладбище, старообрядцы поляки въ то-же время сами не знаютъ, что именно раздѣляетъ ихъ меж-

Типы „поляковъ“. Мужчина и женщина среднихъ лѣтъ.

ты, выработываемые на этихъ заводахъ, находить себѣ сбытъ. Во всей остальной части мѣстности, занятой поляками, населеніе живетъ исключительно земледѣльческими промыслами, изъ ремеселъ же развиты только тѣ, которыя имѣютъ значеніе для земледѣльческаго хозяйства—кузнечное, плотничное, сапожное и т. п.

Занятіе земледѣльствомъ вообще располагаетъ къ консерватизму. Крестьянинъ не можетъ жить въ своемъ мѣстѣ жительства: ему необходимо „доглядывать“ за землей, чтобы его трудъ принесъ плоды, полевая работа длится все лѣто, а скотъ требуетъ ухода и зимовъ,—словомъ, занятіе земледѣльствомъ требуетъ постоянной озабоченности и не позволяетъ частаго передвиженія, неизбежнаго при занятіи обрабатывающей промышленностью, а такая вынужденная озабоченность ограничиваетъ кругозоръ человека, знающаго только свою округу и имѣющаго представленіе лишь по слухамъ о порядкахъ и образѣ жизни въ другихъ мѣстахъ—разужбаетъ, тутъ идетъ рѣчь о самостоятельномъ крестьянскомъ хозяйствѣ, ведущемъ исключительно лишь для удовлетворенія собственныхъ потребностей хозяина и его семьи, при крупномъ-же, капиталистическомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ условія работы мѣняются. Не имѣя возможности сравнить свой бытъ и воззрѣнія съ чужими, крестьянинъ крѣпко держится дѣдовскихъ традицій, выработанныхъ подъ вліяніемъ „власти земли“, которая и на него оказываетъ немаленькое давленіе, лишь очень слабо утѣряемое медленно измѣняющимися условіями жизни. Не мудрено, что и алтайскіе поляки, живя въ благодатномъ краю, почва котораго щедро вознаграждаетъ земледѣльца, вдали отъ всякихъ крупныхъ центровъ, съ

ду собой: крошкэ аввлений, что въ другихъ сектахъ „будто владано“, „не вовсе того“, рѣдко можно услышать объясненіе различія религиозныхъ воззрѣній, а при изложеніи своего, такъ сказать, символа вѣры староверы излагаютъ сплошь и рядомъ только общіе догматы христіанства, искренно удивляясь, если имъ указываютъ, что эти догматы общіе у нихъ съ православными. Самоуверская секта, обязанная своимъ происхожденіемъ дубохранъ—выходящимъ изъ Самарской губ., какъ секта пошла, еще не имѣетъ опредѣленныхъ, прочно установившихся догматовъ и представляетъ изъ себя смѣсь старообрядчества и дубообрета. Отрицающа

природой, щедро вознаграждающей трудъ земледѣльца, удаленные отъ всякихъ крупныхъ промышленныхъ и умственныхъ центровъ, которые могли бы условіями своей жизни оказать влияние, алтайскіе поляки почти въ неприкосновенности сохранили свои типическія черты, съ которыми они явились сюда, и которая отличаютъ ихъ отъ сибиряковъ.

Уже при первомъ взглядѣ въ польское селеніе вамъ бросается въ глаза его отличие отъ сибирской деревни и сходство съ деревней Евр. Россіи: вмѣсто неуклюжихъ, какарнаго вида, домовъ—ящичковъ и узкой, грязной улицы, столь обычныхъ для сибирской деревни, вы видите широкую, прямую улицу, покрытую зеленой травой и мѣстами отбѣненной развѣстными деревьями; около домовъ садики, въ которыхъ видѣются грядки съ цвѣтами. Самые дома часто выстроены въ деревенскомъ стилѣ, съ высокими крылечками, обнесенными рѣшетками изъ точеныхъ столбиковъ, съ „кладью“, т. е. кладовой, вину, съ загнѣванной рѣзкой на крышѣ и вокругъ окна. На улицѣ веселая, поющая толпа молодыхъ дѣвушекъ и парней, разряженныхъ въ костюмы яркихъ цвѣтовъ. Все это въ чудной панорамѣ зеленыхъ горъ, съ выходящими среди цвѣтущихъ долинъ горными рѣчками, залитое горящимъ свѣтомъ почти южнаго солнца, совсемъ не похоже на холодную Сибирь и невольно переноситъ васъ въ Украину.

Еще болѣе отличается отъ сибирскаго дома постройка по внутреннему убранству. Съ крыльца большей частью украшенная рисунками дверь ведетъ въ обширную стѣну, дѣлящая домъ на двѣ половины, чистую и черную. Первая назначается для приема гостей и помѣщенія молодыхъ, если есть женатый сынъ или замужняя дочь въ домѣ; а въ черной находится домашнія комнаты хозяевъ, кухня, кладовая и т. п. Обязательнымъ украшеніемъ обѣихъ половинъ служатъ зеркала, вокругъ которыхъ развѣшаны вышитыя полотна. На потолкѣ, въ комнатахъ и стѣнахъ, подвѣшены сдѣланные изъ соломъ пѣны съ бумажными хвостами и гирляндами махровыхъ желтыхъ цвѣтовъ. Подоконники, низъ печки, двери, часто и потолки украшены нарисованными масляными красками фантастическими птицами, цвѣтами и кругами, изображающими солнце. Въ переднемъ углу первой отъ входа комнаты помѣщается женщина съ иконами стараго письма, среди которыхъ имѣется обязательно распятіе, сдѣланное изъ металла и представляющее раскольничій осемиконечный крестъ съ изображеніемъ надъ нимъ Св. Духа. Во всемъ домѣ образцовая чистота, столы покрыты скатертями или клеенками, на окнахъ цвѣты и бѣлая занавѣска.

Алтайскіе поляки, живя въ значительной степени обособленно отъ прочаго населенія вслѣдствіе различія въ религиозныхъ воззрѣніяхъ, до сихъ поръ сохранили свой этнографическій типъ, рѣзко отличающій ихъ отъ сибиряковъ съ пер-

ществомъ лица и фигуры, что особенно примѣтно къ женщинамъ, среди которыхъ встрѣчаются настоящія красавицы.

Костюмъ поляковъ очень живописенъ. Мужчины и женщины носятъ большей частью яркіе цвѣта, даже шаровары шьютъ изъ пестрой матеріи. Мужчины и женщины ходятъ въ національные костюмы: первые въ рубахахъ-косовороткахъ, вторые въ сарафанахъ. Головной уборъ мужчинъ—лѣтнее шляпа войлочная или соломенная, обвитая вокругъ тулья позументомъ или цвѣтной тесьмой и украшенная у парней перьями и цвѣтами, зимой барашковая шапка съ четырехугольнымъ верхомъ на манеръ конфедератки; женщины, замужнія и

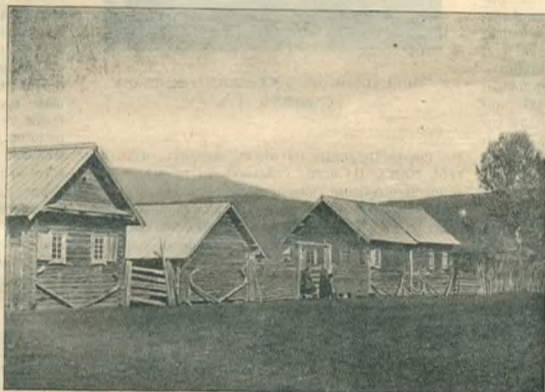
Типы „поляковъ“. Молодая женщина.

Типы „поляковъ“. Дѣти.

ряды, крошкэ крещенія, иконы, крошкэ распятія, къ которому они относятся, какъ къ простому изображенію, только напоминающему объ икупительныхъ страданіяхъ Христа, самодуровцы не сумѣли разобратся въ догматы дубообрета, сохранивъ на ряду съ ними нѣкоторыя догматы старообрядчества и приверженность къ жертвой буйкѣ, а не къ духу ученія. Призывая крещеніе младенца недѣйствительнымъ, такъ какъ оно совершается въ виду родителей, безъ участія сознанія самого крещаемого, самодуровцы считаютъ обязательнымъ вторичное крещеніе „во Иорданѣ“, т. е. въ рѣкѣ въ праздникъ крещенія. Это вторичное крещеніе, по ихъ понятіямъ, омываетъ всѣ грѣхи, совершенныя раньше, тогда какъ крещеніе дѣтей омываетъ лишь отъ наследственнаго прародительскаго грѣха. На этомъ основаніи многіе откладываютъ крещеніе во „Иорданѣ“ до послѣдней возможности, чтобы сразу очиститься отъ возможно большаго числа грѣховъ. Если же человекъ согрѣшитъ и послѣ вторичнаго крещенія, онъ можетъ повторить его сколько угодно разъ, такъ какъ оно сохраняетъ свою очистительную силу. Крестится въ Иорданѣ молодые и старики не смотря на морозъ и увѣряя, что Богъ грѣетъ крещаемого, хотя бывали случаи, что крещаемыхъ вытаскивали изъ рѣки уже мертвыми. Относятся совершенно индифферентно къ вопросу о сложеніи перстовъ, отрицая поклоненіе иконамъ, не придавая никакого значенія одеждѣ: „одежда—тѣло, все равно, что ни одѣтъ“, самодуровцы выѣтъ съ тѣмъ относятся крайне враждебно ко всѣмъ несогласно мыслящимъ, избѣгая, какъ уже сказано выше, даже встрѣчи съ ними, и въ то-же время не считаютъ грѣхомъ разрѣшать своимъ дѣтямъ гулять вмѣстѣ съ дѣтми церковниковъ и староверовъ, посягаясь чужо не рѣдко бываетъ сближеніе между самодуровской молодежью и молодежью другихъ толковъ. Вообще, воспринявъ отъ дубообрета ихъ ученіе, требующее сознательнаго отношенія къ затронуемому имъ вопросамъ, самодуровцы оказались совершенно неподготовленными къ пониманію его, передавали его на старообрядческій ладъ, внесъ въ него формализмъ и поклоненіе буйкѣ, исказили его до неузнаваемости и въ сущности остались такими-же староверами, какъ и остальные, что и понятно, такъ какъ живутъ тѣ и другіе въ одинаковыхъ условіяхъ, способствующихъ сохраненію старинныхъ взглядовъ и образа жизни.

Живя въ сравнительно благоприятныхъ экономическихъ условіяхъ, избавлявшихся изъ отъ необходимости вести ожесточенную борьбу за жизнь путемъ новыхъ прѣемовъ, которые, неминуемо расширяли бы ихъ умственный кругозоръ и внесли бы измѣненія въ общій строй жизни, окруженные

Деревня Черемшанка, Риддерской волости, заселенная исключительно поляками.

ваго взгляда. Преди поляковъ бѣжали на Вѣтку и Стародубе (откуда они были высланы на Алтай) изъ сѣверной Россіи—Новгородской, Тверской и сосѣднихъ губерній, а также изъ Польды. Сообразно этому, среди алтайскихъ поляковъ и сейчасъ можно подмѣтить два типа: великорусскій—мягкія черты круглаго лица, свѣтлорусые волосы, коренастая фигура и чисто великорусскій говоръ,—и южнорусскій съ темными волосами и глазами, смуглая лицомъ и тонкой фигурой. Первый типъ встрѣчается по преимуществу въ сѣверномъ, степномъ районѣ, второй—въ гористомъ, южномъ; говоръ у поляковъ южной части малорусскій, съ горнатымъ произношеніемъ буквы ж; употребительны и малорусскія слова, какъ *треба, хѣба* и пр. Въ общемъ, тотъ и другой типъ отличаются отъ сибиряковъ красотой и изя-

дѣвущки, обвиваютъ голову шалью, сложенной такимъ образомъ, что получается нѣчто въ родѣ кѣры. За шаль зашиваютъ живые и искусственные цвѣты. Мужскія рубашки и женскіе сарафаны и фартуки обиваются позументомъ и кружевами или вышитыми прошивками; женщины носятъ серьги и ожерелья—„бисера“. Замужнія женщины носятъ на головѣ кичку съ вышитыми золотомъ, кошениломъ и подзатыльникъ, которые и обвиваютъ шалью. На позорона, крошкэ того, всѣ женщины, молодые и старыя, надвываютъ особое покрывало, въ родѣ фаты, которымъ закрываютъ лицо. Такое-же покрывало, только длиннѣе и шире, считается обязательной принадлежностью подлѣбнаго костюма невесты. Раньше рубашки вышивались изъ домотканнаго холста съ ручной вышивкой, въ настоящее-же время костюмы шьются изъ покупныхъ матерій, и только старухи заготовляютъ себѣ и мужьямъ „смертное“, т. е. погребальный костюмъ изъ холста и крашенныя. Въ стеновой части прѣвнй костюмъ начинается мнѣются общераспространеннымъ сибирскимъ—пиджаками и кофтами съ юбками. Самодуровцы также часто носятъ новый костюмъ, но большинство рѣдко держится въ этомъ отношеніи старинны.

Поляки перенесли съ собой на Алтай и болѣе развитую уличную жизнь, на ряду съ болѣе близкими сосѣдскими и общественными отношеніями. Поэтому лѣтнее улицы въ польскихъ селеніяхъ бываютъ чрезвычайно оживлены. Молодежь водить хороводы, около которыхъ собираются дѣти, старики толкуютъ объ общественныхъ, мирныхъ дѣлахъ. Тутъ-же, на улицѣ провозвѣстаетъ сельскій судъ, рѣшаются вопросы, относящіеся къ устройству артелей для будущей рубки и сплава лѣса и пр. Артели здѣсь вообще очень распространены, но обыкновенно бываютъ очень маленькія въ 2—3 человекъ; чаще всего въ артели соединяются для рубки и сплава лѣса и для рыбной ловли причемъ доходы дѣлятся поровну между участниками.

Образованіе у поляковъ поставлено крайне плохо: у поляковъ-единоверцевъ есть, правда, церковно-приходскія школы и даже министерская (въ с. Шемонаевскомъ), но эти школы мало посѣщаются. У поляковъ же, не принявшихъ единоверія, существуютъ только домашнія школы, гдѣ „дѣльцъ“ обучаетъ церковно-славянскому чтенію и пѣсню, да въ этихъ школахъ учатся большей частью лишь мальчички, дѣвочки-же остаются сплошь и рядомъ неграмотными.

М. Ш.

Въ персидскомъ городѣ.

Покада Персѣ, гдѣ мнѣ пришлось провести около года, и не думалъ что судьба снова кинетъ меня туда же. Но это опятъ случилось. Въ одинъ изъ вечеровъ въ половинѣ мая, часу въ двѣнадцать и вълѣтъ по огромному каменному мосту, построенному во времена шаха Аббаса, еще въ

доапробован стодлтіи черезъ рѣку Аджичай (Горькая рѣка). Колыта лошадей звонко стучали по камнямъ, и этотъ стукъ рѣку выдѣлялъ изъ шума воды, бившейся о каменные мостовые устои. Кругомъ было тихо и безлюдно; даже покрашенные, выгнанные изъ города и пріотвищенные у развалинъ старой бани не выражали голоса, крича большими силами голосами; и они пугались въ отмахъ, забравшись въ свои отверженные догнана, чтобы утѣмъ вѣнцѣ на большой дорогѣ и вызвать къ состраданію прохожихъ и профѣжихъ. За мостомъ началась кривая уллица Таврича, громадная персидскаго города, столицы Азербайджанской провинціи и резиденціи наслѣдника персидскаго престола. Ночь давно уже опустилась надъ землею, прекративши дневную дѣятельность и суету, заставивши замолкнуть шумные базары и караванъ-сарай. Не видно было ни одного огонька. Высокая луна спокойно смотрѣла на персидскія жилища, освѣщая безконечная глиняная стѣны, уснувшіе сады съ высокими пирамидальными тополями, бросавшими на землю узкія прямыя тѣни. Дома обитателей спрятались во дворицахъ, за стѣнами такъ, что на уллицу не выглядывало ни одного окна. Небольшія дверцы, выглядывавшія изъ стѣнъ, крѣпко заперты. Населеніе спитъ; на Востокѣ встаютъ и ложатся рано, только, вѣроятно, въ квартирахъ европейцевъ горѣли еще огни, но ихъ не видно съ уллицы. Пришлось профѣхать черезъ небольшой базаръ, гдѣ одиноко желькалъ тусклый фонарь, да дремала сторожъ. Затѣмъ кругой каменный мостикъ, и опять безконечная линия стѣнъ, прерываемая лишь на перекрѣсткѣ. Потомъ кладбище, опять базаръ, и я въѣхалъ въ хорошо знакомой армянскій кварталъ, лучше другихъ обстроенный. Здѣсь пріотились русское, французское и англійское консульства, и квартиры европейцевъ. Повсюду стояла тишина и безлюдіе. Лишь исподвѣдливше потревоженные, бездомныя собаки. Но вотъ и знакомый домъ. Стукъ въ дверцы подъ каменной аркой, слышится шумъ шаговъ по плитамъ дворика, затѣмъ опростъ, и дверцы отворились, я на мѣстѣ и могъ отдохнуть послѣ полуторныхъ сотъ верстъ, верховой ѣзды отъ русской границы. На завтра въ семь часовъ утра и уже быть на крышѣ и любовался городомъ. Пусть читатель не удивляется, если не знаетъ, что на Востокѣ дома не имѣютъ крышъ, подобныхъ европейскимъ, по которымъ разгуливаютъ лишь кошки, крошечныя да трубочасты. Въ Персіи, за отсутствіемъ хорошаго древеснаго матеріала, крыши дѣлаются изъ длинныхъ жердей, покрытыхъ поперечными палочками, сверхъ которыхъ настилаются камешныя цыновки и навальваются слой глины. Эти крыши, слегка покатыя для стока дождя, представляютъ превосходное мѣсто для прогулокъ и для чюлгача во время дѣтнихъ ночей. Дѣйствительно, пріятнѣ гулять надъ домомъ, чѣмъ по крышамъ избитымъ, напосеннымъ толпами народа и животныхъ, уллицамъ. Персидскія женщины здѣсь могутъ дышать чистымъ воздухомъ, не боясь посторонняго взора и не прячась подъ душную чадру.

Не смотря на ранній часъ, солнце было уже довольно высоко и сильно припекало. Небо было чистое и темноголубое, какъ обыкновенно, въ это время года; ни одно облачко не нарушало однообразія небесной синевы. Прѣдъ мной раскинулся большой восточный городъ, взоръ терпѣлся въ кучѣ стѣнъ глиняныхъ жилищъ, временами попадавъ въ какой нибудь персидскій дворикъ, или въ окно, то закрытое стекломъ, то деревянноу рѣшеткой, на которой провали заклеивающую его зиную бумагу. Всюду видѣлись массы зелени въ садахъ, и гордо поднимались къ небу группы пирамидальныхъ топей, — этихъ стройныхъ представителей юга, мало известныхъ холодному сѣверу. Вдали видѣлась угрюмая полуразрушенная башня, воздвигнутая, какъ передаютъ, еще въ 13 столѣтіи. Какъ argues, стоить она надъ многолюднымъ городомъ и въ сравненіи съ его низкими постройками кажется еще выше. Я бывалъ на вершинѣ этого колоса, откуда весь городъ виденъ, какъ на ладнѣ, и въ бинюкъ прекрасно можно разсмотрѣть дворники и крыши, наблюдать картины внутренней домашней обстановки, даже проникнуть любопытнымъ взоромъ въ окна и во внутренности жилищъ, закрытыхъ отъ любопытнаго наблюдателя толстой глиняной стѣной. Но и съ моею довольно высокой крыши я могъ видѣть многое. Съ одной стороны прикинутъ дворникъ персидскаго, выхоженныя кирпичами, посреди него небольшой бассейнь съ грязной водой, около котораго валилась нѣскольکو деревянныхъ чашекъ и мокрыхъ трюпокъ. У стѣны въ тѣни на небольшомъ коврикѣ сидѣли двѣ женщины предъ самоваромъ и угощались. Это

двѣ жены хозяина. Подлѣ нихъ трое грязныхъ ребятишекъ занялись игрою. У самовара стояла тарелочка со сладями, отъ которыхъ въ Персіи не откажется никто, начиная шахомъ и кончая погонщиками ословъ. Тутъ же, конечно, находился калыкъ переодѣтый попервожѣю то къ одной, то къ другой. Женщины занимались оживленной бесѣдой, не подозревая, что съ соседней крыши съидеть за ними посторонній глазъ. Ихъ лица, можетъ быть, съ точки зрѣнія персидскаго красавца, не могли бы удовлетворить эстетическія требованія европейца: брови ихъ были начернены

каждое двѣ рѣшетчатыхъ створки, на которыя къ нимъ наклеивалась бумага, прорываемая весной. Даже у довольно зажиточныхъ персидцевъ не все окна снабжены стеклами. Черезъ полуоткрытыя окна можно было наблюдать неагнѣбную, хотя оригинальную обстановку персидскаго горожанина. Нѣскольکو времени я смотрѣлъ на дворникъ и думалъ о независимой участи персидской женщины. Ребенкомъ она еще довольно можетъ играть на уллицѣ и бѣгать съ ребятишками, но вскорѣ, хотя еще не минула дѣтскія годы, ее закрываютъ чадрой и мнудла для нея кокетства; она уже не можетъ открытой оставлять родительскій порогъ. Затѣмъ подневольное замужество, въ которомъ въ низшемъ классѣ ждѣтъ тяжелая работа, а въ высшемъ заключеніе въ энедурѣ (женской половинѣ) среди прислужницъ и евнуховъ. При томъ молодость проходитъ очень быстро; на Востокѣ женщина скоро вянетъ. Ее можно сравнить съ цѣткомъ розы: только что сорванный, онъ красивъ и пахучъ, но уже черезъ нѣскольکو часовъ вянетъ, теряетъ лепестки и запахъ. На Востокѣ женщина ничто: спросить о ея здоровьи считается неприличнымъ; она не смѣетъ съѣсть въ присутствіи мужа, она назначена служить игрушкой мужчине; но такъ какъ скоро молодость проходитъ, то въ богатомъ энедурѣ на смѣну является новая, и она оазывается въ разрядѣ разжалованныхъ «ханумъ»; *) ея мѣсто въ сердцѣ обладателя заняли другія. Для женщины простаго класса больше свободы и меньше шансовъ быть разжалованной, такъ какъ бѣдный чюлгачъ не можетъ обзавестись многочисленнымъ гаремомъ; но и ей приходится кутаться въ чадру даже и тогда, когда она сгибается подъ тяжестью громаднаго кувшина съ водой, или подобной ноши; или дѣлать топливо изъ навоза, наливъ его водою и размѣшивая получившуюся воющую массу босими ногами. Разводъ въ Персіи легокъ, не требуетъ формальностей и вполнѣ зависитъ отъ мужчины. И благо мусульманскіе, что она сама какъ бы не сознаетъ всей тяжести собственнаго положенія и въ дѣтствѣ невѣжества сама первая возбуждаетъ тревогу противъ какихъ либо нововведеній на пути свободы. Однако эти размысленія мои были совершенно неожиданно прерваны: одна изъ женщинъ, взглянувши случайно вверхъ, застѣла меня, вскрикнула и онѣ быстро отворунались и закутались въ чадры. Миръ оставалось ретироваться и устремить взоръ свой на другіе предметы, во избѣжаніе шума, крика и, можетъ быть, скандала и объясненія съ господиномъ этихъ женщинъ, который, очевидно, отсутствовалъ. Вблизи видны были довольно обширныя постройки русскаго консульства, надъ воротами котораго возвышается вертикальный шестъ для флага, снимаемого каждыиъ вечеръ и поднимаемаго по утрамъ. Какъсь, одѣтый въ черкеску, вобраз-

ся по лестницѣ на крышу, и трехштытный русскій флагъ скоро взвился на высокой мачтѣ. Подлѣ шел на крышѣ происходилъ въ это время обычная персидская сцена: страстнующій циркульникъ искусно отдѣлывалъ голову правогобнаго одного изъ консульскихъ топчи—пушкарей, на значаемыхъ персидскими властями для охраны и какъ бы для почетнаго караула у представителей иностранныхъ державъ. Циркулярникъ вѣсѣлъ съ тѣмъ и фальшеръ: въ его походной сумкѣ, кромѣ бритвы и ножницъ, есть и инструменты для метанья крови. Персіе боялся «лишеи» крови въ тѣлѣ и потому пускаютъ ее довольно часто, даже и дѣтямъ, не смотря на крики и плачь послѣднихъ. Вѣсѣто явля узичному персидскому брадобрию служатъ собственныя слюны, которыми онъ обмазываетъ лицо своего кліента безъ малѣйшихъ протестовъ съ его стороны. Немного въ сторонѣ отъ описанной сцены другой изъ консульскихъ «топчи» читалъ вполголоса коранъ, подвизавши ноги и раскачиваясь. Нагнроно, онъ не понималъ священнаго книги, такъ какъ она написана на арабскомъ, знакомомъ только для персидскихъ богослововъ, языкѣ. Особенно во время мѣсяца рамазана, когда днемъ отъ восхода до заката солнца запрещается не только ѣда или питье, но даже и куренье, можно встрѣтить много такихъ чтецовъ творенья магомета, не понимающихъ смысла читаемаго, но какъ бы отбывающихъ религиозную повинность.

Въ узенькой уллицѣ, гдѣ не могли бы раздѣхаться два встрѣчныхъ экипажа обычное движеніе. Восточные города не приспособлены для экипажей, только въ последнее время начинаютъ показываться на нихъ европейскія коляски, принадлежачія нѣкоторымъ богатымъ людямъ и заведенныя изъ подражанія европейцамъ. Въ сѣверной

Рисунки на дверяхъ въ жилыхъ комнатахъ у поляковъ.

Одежда поляковъ. Мужская вышитая рубаха спереди.

Семейскіе изъ деревни Беклемишевой.

Фотогр. Г. Лубс.

и соединены вмѣстѣ такъ, что надъ глазами проходила цѣлая широкая черная полоса, толстая щеки нарумянены и физиономіи круглы, какъ луна: таковъ персидскій вѣкъ, чѣмъ круглѣе, тѣмъ лучше! Разговоръ ихъ шелъ на татарскомъ языкѣ, очень близкомъ къ турецкому. Огромное большинство жителей Таврича татары, хотя нѣрѣдко приходится слышать и персидскую рѣчь. Однако въ обстановкѣ, нравахъ, обычаяхъ татаръ и персовъ почти нѣтъ разницы.

У наружной стѣны дворника въ одностанномъ зданіи, сложенномъ изъ кирпича-сырца, расположились три комнаты, служащія обитателямъ убѣжищемъ отъ дождя и зимняго холода; на уллицу, конечно, не выходило ни одного окна, послѣднія выглядывали во дворникъ и представляли собою

*) Голова.

